

Зеркало любви

Шарль Бодлер. Муки творчества. Осужденные стихи ¹.

Рассказ

Потёмки творческого кризиса, закат чувств, сумерки привычек... Каверзы воображения, тупики и непрерывный поток поэтических ассоциаций. Бессильные поиски просвета, тьма воспоминаний, утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности...

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*

Шарль Бодлер. Фонтан (пер. М.Яснова)

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведает о моих страданиях. Бальзак за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали. Мои муки творчества – полностью мои!

¹ «Осужденные стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и, в то же время, необыкновенная услада! Потому что, в конце концов, – я знаю – мысль обязательно оформится в слова, они превратятся в изумительную мелодию, душе станет легко, и вот ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Такое возможно лишь при карнавальной состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветком... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю. Совсем плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое создание тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность. Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души, извивам желаний, содроганиям совести! Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть радость от созданного тобой. И опять искать, искать...

Закутавшись в макинтош, под нескончаемым дождём, я зачем-то неделями брожу по отвратительным переулкам. Камни мостовой блестят, отражая и удлиняя тусклые огни города. Мысли не рождаются. Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже как тень, быстро скользя

по стене и перегибаясь на выступах... Я пробираюсь по лабиринту этих мрачных, сырых и грязных улиц с кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки... Могу ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы услышать и ухватить однажды произнесённое подвыпившим матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня словцо. Сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспаляться, и являлся невроз с его капризами, бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в невозмутимой позе сфинкса. Она думала вместе со мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков в золотистых крапинках с какой-то разумной нежностью и таинственной проницательностью. Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда — моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего слушатель — я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности. Не знаю, почему именно в

данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такова потребность! Потребность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь, моя Правда мира, Истина, выраженная красотой! Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже. К нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая, нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я долго сижу в кресле у зеркала и, вороша кочергой угли в камине, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня. Ни единой мысли! Мелькнула одна, зашевелилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно.

Подложил пару поленьев. Их жадно поглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой **тотчас** потянулась чёрная струйка дыма, зажёг бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал особенный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз вновь и вновь возвращаюсь к своим «осуждённым стихам»! Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше время и... вызвало неприятие. Знаю, поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо

приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые образы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность становится неотличимой от фантастики. Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контур лица видятся в нём нечёткими, цветовые переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью. Вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы выкрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло бежевые штаны, на груди огромный шёлковый бант. Я любуюсь своим отражением и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу. Вот, они обнялись... Такие разные! Кто-то вскрикнул... Губы обеих женщин жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бессвязными, бесстыдными, грубыми и вскоре вообще понятными только им двоим звуками. Тонкие белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули вниз, медленно заскользили вверх по тугим бёдрам и, поднимая лёгкий шёлк платья и нижней юбки, обнажили чулки и батистовые штаны с кружевами. Спустя мгновение кружевное бельё скомкалось, превратилось в бесформенную белую ткань и быстро скользнуло вниз, на пол, обнажив вожаемые красоты.

Как возбуждает контраст тёмных чулок и подвязок с белой кожей! Как влечёт к себе лебединым изгибом ненаглядный сад! Всё это великолепие трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, я лишь угадываю чарующие линии. Неровными складками прикрывающая наготу ткань

платьев мешает, раздражает... Шквал эмоций обрушивается на меня, неуёмное воображение захватывает и не отпускает...

Моё убежище вдруг ожило и преобразилось. Старое грязное кресло вмиг превратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чудесной музыкой... Тела женщин сжались, подобно, как тысячи нервных клеток разбегаются и через мгновение соединяются, чтобы принять новый удар... Я вижу их, смотрю на них с торжеством и, как хищник, бережно люблюсь добычей. Вбирая в себя их тепло, всей грудью вдыхаю аромат желания. Разглядывая извивающихся в экстазе женщин, я сливаюсь с ними, скольжу бесшумно, как змея, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги и руки переплелись на ложе любви?

Постепенно всё расплывается перед моими глазами и куда-то исчезает... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить особой жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я не понимаю сам себя... Мною овладела нелепая и непобедимая смешливость. Будто я в детстве и с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей ярко-синее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня. Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг пропадают. Девочка... Вместо неё передо мной те самые женщины... Они обнажены и со сладостным упованием смотрят на меня. Я понимаю, что они и раньше чувствовали мой взгляд, ощущали присутствие третьего человека. Им и мне это нравилось... В сумраке обычной

комнаты я, будто в эротическом сне мрачного символиста Босха, уединился с двумя грешницами под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающий воображение мир эфемерных желаний и изощрённых удовольствий. Я слышу, я угадываю, как всеми клетками кожи женщины осязают мелкую дрожь моего тела. Тела невидимого, но желанного. Желанного? Да! Но не оттого, что это тело мужчины, а потому что этот мужчина видит, а они – нет, оттого, что он вместо них созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе **их** воображение. Гипнотическая сила этих токов наотмашь бьёт по обнажённым чувствам. На самом же деле они лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в плоти невидимого созерцателя...

Я совсем рядом. Моё прерывистое горячее дыхание обжигает их лица. Этот острый, поддёргивающийся от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу... Они падают, попадают на грудь, живот и бёдра то одной, то другой женщины, всякий раз заставляя их тела вздрагивать... До сих пор они чувствовали только запах друг друга, прикосновения пальцев, солёный привкус потных рук, завораживающие вздохи и шёпот дыхания. Теперь они видят! Воображают, будто видят! Видят его глазами... Кажется, что этот новый мир предстаёт перед **ними** во всём своём поэтическом чувственном блеске!

Меня опьяняло осознание того, что своим созерцанием я дарю им полноту счастья! Меня дразнило то, что, видя все подробности сокрытого от них и посторонних глаз чудесного действия, я не могу... Да, я не могу ничего! Даже прикоснуться. Но я же вижу! Я вижу, как они видят, что и как вижу я! И, если они не могут отвести зачарованных глаз от моего лица... Этого достаточно! Самые яркие впечатления рождает воображение, а вовсе не

реальные события! Ведь обязательно наступит миг, и скрывающийся во тьме, кто бы он ни был, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратно и без остатка растворится в блаженстве волшебной ночи...

Наблюдая за женщинами, я почти не думал о себе. Так ни разу и, не прикоснувшись к ним, я вдруг начинаю чувствовать своими губами то ресницы чьих-то зазывных глаз, то бархатную кожу колышущейся груди, то трепетное влажное дыхание. Это щекочет и распаляет фантазию...

Вот, одна из них уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Другая – совсем рядом, уселась поудобнее в моё кресло и ревнивым взглядом мучительно всматривается в подробности таинственного действия. Как прилежная ученица на уроке физиологии, она тщательно изучает все нюансы происходящего, пытается уловить вздох наслаждения и в самый яркий момент, убеждаясь в достоверности только что увиденного, украдкой дотрагивается пальцами до самого сокровенного... Она нежно сжимает его, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка, на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познанного ею рукотворного Создания. Наконец, настает тот чудесный миг, когда вся моя сущность, все мысли, все видения исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий сгусток нервов и плоти. Невидимые живительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля пробирается под тонкой коркой весеннего льда... Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкнула матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой

вершине мироздания! Нежные пальцы сидящей в кресле, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук женщины стала влажной и скользкой.

Вскакиваю, путаюсь, зарываюсь в шелка их одежд... Наконец, нашёл, уткнулся... Коснулся лицом и вдыхаю в себя таинственный и запретный, восхитительный и дурмнящий аромат... Захлёбываюсь им! Чьи-то упрямые ладони удерживают меня и не позволяют шелохнуться. И только одна мысль, не отпуская, гнетёт и гложет... Неужели это может закончиться? Чувствую, как горят щеки, пылают от восторга встречи с чудом...

Вдруг, случайно неуклюже повернувшись, скользнул по узенькой полоске холодного обнажённого тела... Там, над ажурным, тёмным чулком... В один миг, как по мановению волшебной палочки, я окунулся в реальность и до боли ясно обнаружил очевидное: «Это не для тебя! Это всё для него...»

И вот он один на один перед входом в рай, пьяный от вседозволенности, красный от напряжения, заплаканный и запыхавшийся. Создание вздрогнуло. Её ладонь сжала и медленно, будто заманивая, потянула давно восставшее очарование к пылающему входу в бездну... Вот оно уже внутри! Тотчас врата рая сомкнулись и плотно стиснули его, не позволяя шевелиться. Всем своим телом оно ощущает, как окружающие его влажные, чуть ребристые своды, начинают сокращаться. Они сдавливают воспалённый сгусток нервов и плоти, отпускают, снова обнимают, доводя до иступления...

Почувствовав внезапную утрату наслаждения, он снова вздрогнул и тотчас сам устремился обратно, в кратер восторга и обиды. Теперь ничто и никто его не сможет остановить! Уткнувшись во что-то там внутри и, не веря своему счастью, он вырывается наружу... Вырывается, чтобы убедиться, что

это не сон, и опять вернуться. Дразня себя, и теща иллюзией бесконечности этого заворачивающего процесса, он много-много раз отнимал, а потом вновь дарил себе удовольствие от восхитительного чувства первого знакомства...

Но что это? Та, что сидела в моём кресле, незаметно подкралась и выхватила всего меня из пылающей бездны... Опушенные густые ресницы скрывают глаза хулиганки. Я не вижу их блеска. Но кожей, всем своим нутром чувствую, как всю её невыносимо переполняет необыкновенное восхищение властью! Теперь она видит, то, что не вижу я: как с другой женщиной мы сплетаемся в танце любви, как пространство вокруг нас становится тёплым, цветным, пульсирующим, тёмным и притягательным. А посреди этого зрелища содрогание трёх напряжённых тел и едва ощутимый звук скольжения всего моего воспалённого естества сквозь что-то манящее и ещё до конца неизведанное... Как же я хочу увидеть её глаза!

Это продолжалось долго, пока однажды, в очередной раз, остановившись, чтобы ещё и ещё затянуть процесс наслаждения, я, покачиваясь от усталости, огляделся по сторонам и наконец-то встретился с широко раскрытыми, влекущими к себе глазами женщины. Её ресницы казались тонкими лучами её играющих глаз, они чуть подрагивали. Но не просто так, а в такт прилива моих ощущений... Судорога пробежала по моему телу. Восхитительный всплеск чувств! Будто у алхимика, эти чувства скоро превратятся в мерцающий на свету поток жизни и любви. Чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит всех троих в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся в одно целое и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья. Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений» – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище, радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропыленная и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...